

Константин Львович СЫРОЕЖКИН,
Казахстанский институт стратегических исследований

Проект «Экономический пояс Шёлкового пути» в сложном пространстве Центральной Азии

DOI: 10.23932/2542-0240-2016-9-6-104-122

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена перспективам китайской инициативы Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП) с точки зрения национальных интересов государств центральноазиатского региона. По мнению автора, довольно устойчивый среди внешних наблюдателей взгляд на Центральную Азию как на единый регион во многом ошибочен. Между входящими в его состав государствами сохраняются неразрешимые противоречия и конфликты. Потенциально взрывоопасными остаются проблемы границ и этнических анклавов, происходят рецидивы регионализма и трайбализма. Крайне неравномерно распределяются жизненно важные водные ресурсы. На протяжении весьма длительного времени Центральная Азия являлась неким внутриконтинентальным коридором, связывавшим страны Азии и Европы. Это остаётся актуальным и в настоящем, а потому у внешних сил долго отсутствовала потребность в самостоятельной центральноазиатской интеграции. Со своей сторо-

ны, политические элиты Центральной Азии также не были заинтересованы в появлении наднациональных структур, создающих для них неизбежную внутривнутриполитическую конкуренцию. Тем не менее, идея ЭПШП на политическом уровне оказалась одобрена всеми государствами Центральной Азии. Объясняется это отчасти тем, что в отличие от других проектов особенностью китайской инициативы является абсолютное отсутствие политических требований к её участникам. В то же время было бы ошибочным подозревать Китай в излишнем альтруизме. Автор подчёркивает, что ЭПШП никогда не был в чистом виде интеграционным проектом. В основе концепции лежит не забота о развитии промышленного потенциала стран, через которые будет проходить ЭПШП, а прежде всего интенсивное развитие западных регионов самого Китая.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: интеграция, экономика, Китай, сопряжение, Евразия, инфраструктура.

Предисловие

Растущая мощь Китая и его стремление играть более значимую роль в мире, а также усиление его позиций в Евразии сегодня вполне очевидны и не нуждаются в дополнительных комментариях. Это – свершившийся факт. И хотя данные обстоятельства вызывают всё большую озабоченность не только на Западе и в России, но и в государствах Центральной Азии, тем не менее изменить эту тенденцию вряд ли возможно.

На сегодняшний день ни страны Центральной Азии, ни Россия не в состоянии противодействовать экономическому и торговому проникновению Китая в регион. Такое противодействие не имеет смысла, учитывая, что экономическое взаимодействие с Китаем носит взаимовыгодный характер и Китай для нас является более значимым партнёром, чем мы для Китая.

Ещё важнее то, что Китай не только политическим истеблишментом, но и населением Центральной Азии больше не рассматривается как источник актуальных угроз. Он перешёл в категорию желательного внешнеполитического и внешнеэкономического партнёра, а в плане обеспечения региональной безопасности порой рассматривается как вполне достойная альтернатива России и странам Запада.

Именно по этим причинам проект ЭПШП имеет принципиальное значение для стран региона, и за ним следят с особой тщательностью. По сути, ЭПШП – это способ придать отношениям Китая со странами Центральной Азии особый статус с помощью их «идейного оформления». Если ранее благодаря общему советскому прошлому Россия уверенно чувствовала

себя в плане взаимодействия со странами Центральной Азии, то теперь Китай всё более активно использует шанс заполнить возникший на постсоветском пространстве идеологический вакуум, не говоря уже о политических и социально-экономических выгодах, которые сулит данная инициатива.

Перспективы ЭПШП в Центральной Азии в контексте политических и культурных особенностей региона

Центральная Азия – очень непростой регион. Дело не только в том, что здесь переплетаются интересы и сталкиваются противоречия России, США, Европы, Китая, Индии, Ирана и Турции. Отношения между самими государствами региона также оставляют желать лучшего. Довольно устойчивый среди наблюдателей, в том числе и китайских, взгляд на Центральную Азию как на единый регион во многом ошибочен, что не раз подчёркивалось центральноазиатскими экспертами [Иманалиев М., 2008: 5-20].

Это обусловлено несколькими причинами. Центральная Азия – место схождения нескольких культурно-цивилизационных потоков: русского, персидского, арабо-мусульманского, китайского и тюрко-монгольского. В разные периоды истории доминирующим был один из этих потоков. Иногда – доминировали два. При этом с географической точки зрения каждый из указанных потоков оказывал различное влияние на отдельные регионы Центральной Азии, формируя специфический синтез внутреннего и внешнего. И именно в силу этого факта в плане

самоидентификации Центральная Азия так и не стала единым регионом.

В регионе получили распространение все мировые религии: ислам, христианство, буддизм и иудаизм – с мощным доминированием первых двух. Однако, несмотря на явное преобладание ислама ханафитского масхаба, трудно говорить о религиозной идентичности. Особенно сегодня, когда наряду с возрождением традиционных верований наблюдается сильное влияние миссионеров с Арабского Востока и нетрадиционных для региона религиозных верований. Но главное – вполне отчётливо проявляется тенденция усиления влияния исламизма и его активного использования в политической борьбе.

Регион состоит из трёх этнолингвистических полос: тюркоязычной, персоязычной и русскоязычной. Причём в разные исторические периоды доминантное положение, особенно если принимать во внимание язык торговли и науки, занимал один из обозначенных языков, хотя Центральная Азия всегда оставалась многоязычной. Последние 100 лет таковым был русский, и именно он пока объединяет центральноазиатское пространство. Какой язык придёт на смену русскому, сказать трудно, но в последнее время большое распространение получают английский и китайский. На пространствах Центральной Азии происходит соприкосновение и мозаичное взаимопроникновение оседло-земледельческого и конно-кочевых культурных, социальных и хозяйственных типов. Поэтому вряд ли следует абсолютизировать социокультурную гомогенность региона. Недаром при строительстве национальных государств одни напоминают о «кочевой демократии», а другие о развитой

городской культуре. Это объясняет разные процессы в политической жизни государств региона и различные системы ценностей, которых придерживается их население.

Центральная Азия представляет собой пространство обитания людей, где родоплеменные, кланово-региональные отношения до настоящего времени остаются основными неформальными институтами на политическом и иных пространствах, формируют весьма своеобразную поведенческую среду и играют более значимую роль, нежели политические либо экономические институты. Очевидно, что эти неформальные институты пока подменяют собой политическую и правовую культуру, а потому не способствуют формированию полноценного гражданского общества. Следовательно, следует признать: демократия как всеобъемлющее пространство с полноценно функционирующими институтами в Центральной Азии пока отсутствует.

Как единый административный район нынешние независимые государства Центральной Азии появились после российско-китайского и российско-британского пограничного размежевания во второй половине XIX столетия – под названием Туркестанский край, который позже, уже в советский период развития был трансформирован в союзные республики. А потому единственное, что сегодня остаётся общим у России и Центральной Азии, – это их советское прошлое вкуче с русским языком. Что будет объединять регион, после того как уйдет поколение людей, родившихся в СССР, и ареал использования русского языка существенно сократится, сказать сложно. Во всяком случае, молодые поколения государств региона пока ничто не объединяет.

Существенное значение имеет также то, что Центральная Азия никогда не существовала как единый геополитический регион. На протяжении весьма длительного времени Туркестан являлся неким внутриконтинентальным коридором между странами Азии и Европы. Это остаётся актуальным и в настоящее время, а потому у внешних сил отсутствует заинтересованность в самостоятельной центральноазиатской интеграции. Со стороны внешних сил можно наблюдать последовательные попытки заключить ту или иную страну региона в сферу своего влияния, тогда как лидеры центральноазиатских государств придерживаются политики балансирования и стремятся извлечь выгоду, используя противоречия между великими державами.

Между государствами региона существуют неразрешимые противоречия и конфликты. Проблема границ, этнические анклавы, проблема распределения и регулирования водных ресурсов, таможенные барьеры, усиленные политизацией этничности и тенденциями реанимации внутреннего регионализма и трайбализма, наблюдаются по настоящее время. Существенное значение имеет и национальный эгоизм политической и бизнес-элит, которые, по справедливому замечанию А.В. Малашенко, «часто отождествляют свои собственные политические и коммерческие интересы с национальными» [Малашенко А., 2011: 78-95]. Именно по этой причине политические элиты стран Центральной Азии не заинтересованы в наднациональных структурах, которым будут переданы функции контроля. А без создания наднациональных структур никакая интеграция невозможна, что, собственно говоря, и подтверждают

безуспешные попытки самостоятельной интеграции в рамках региона¹.

То отношение, которое мы сегодня наблюдаем в государствах Центральной Азии к Евразийскому экономическому союзу, может быть распространено и на ЭПШП. Если Китай начнёт форсированно продвигать идею ЭПШП, то у политической и бизнес-элиты стран Центральной Азии всегда будет возможность нивелировать активность Пекина за счёт сближения с Москвой или Вашингтоном, которые с удовольствием воспользуются ошибкой китайской дипломатии.

Сказанное выше означает, что с точки зрения мотивации к созданию механизмов многостороннего сотрудничества в Центральной Азии нет ни одной проблемы и ни одной причины, которая бы послужила достаточным основанием для того, чтобы сформировать единую для всего региона повестку дня. Проблемы, которые представляются в виде общерегиональных, на самом деле не являются таковыми. Для каждой из стран региона набор угроз и вызовов специфичен, и прийти к какому-либо консенсусу по данному вопросу пока не удаётся даже на экспертном уровне. Может ли изменить такое положение вещей китайская инициатива ЭПШП, выступив в качестве некоего нового, не известного региону, фактора межгосударственного сотрудничества?

ЭПШП как фактор углубления межгосударственного сотрудничества в Центральной Азии

Хотя и с существенными допущениями, можно сказать, что, несмо-

¹ См. Берновский Р. Центральная Азия так и осталась Средней Азией и Казахстаном // "Central Asia Monitor" от 12 октября 2012 г. // [http:// camonitor.com/](http://camonitor.com/) (Дата обращения: 17.11. 2016)

тра на большое количество различий между странами Центральной Азии, инициатива ЭПШП для них всё же является объединяющим фактором в культурно-цивилизационном смысле. Все современные страны региона так или иначе были причастны к историческому Великому Шёлковому пути. И именно эта основа может сыграть благоприятную роль не только для самого развития ЭПШП, но и для устранения противоречий на других направлениях сотрудничества между участниками проекта.

В отличие от всех своих предшественников, китайское руководство «пятого поколения» сделало основной акцент на сотрудничестве с сопредельными странами. Об этом свидетельствуют как география визитов высшего руководства КНР, так и обозначенные им внешнеполитические инициативы². И хотя вполне очевидно, что Китай не только не может быть интеграционным ядром для центральноазиатских экономик, но и не планирует выступать в данной роли, тем не менее идея ЭПШП на политическом уровне одобрена всеми государствами Центральной Азии и все они выразили своё стремление активно участвовать в практической реализации этого проекта³.

² См.: Си Цзиньпин. Развивать дружбу между народами, совместно создавать прекрасное будущее. Лекция в «Назарбаев-Университете» 3 ноября 2013 г. (弘扬人民友谊共创美好未来) // «Жэньминь жибао» от 8 сентября 2013 г.

³ См.: Совместная декларация Республики Туркменистан и Китайской Народной Республики о дальнейшем развитии и углублении отношений стратегического партнерства. Пекин, 12 мая 2014 г. (中华人民共和国和土库曼斯坦关于发展和深化战略伙伴关系的联合宣言) // «Жэньминь жибао» от 13 мая 2014 г.; Совместная декларация Кыргызской Республики и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений стратегического партнерства. Шанхай, 18 мая 2014 г. (中华人民共和国和吉尔吉斯共和国关于进一步深化战略伙伴关系的联合宣言) // «Жэньминь жибао» от 19 мая 2014 г.; Совместная декларация Республики Узбекистан и Китай-

Причины такого единодушия различны. С одной стороны, политическое руководство стран Центральной Азии не могут не подкупать по-новому расставленные акценты во внешнеполитическом курсе руководителей «пятого поколения». С другой стороны, в отличие от других проектов в Центральной Азии, особенностью китайского проекта является абсолютное отсутствие политических требований к участникам.

Американские региональные проекты «Большой Ближний Восток», «Большая Центральная Азия» и «Новый Шёлковый путь» предполагали в первую очередь принудительную демократизацию местных политических режимов, на практике приводящую к хаосу. Россия в рамках ЕАЭС тратит основное время не на наращивание экономической мощи, модернизацию и создание современных транспортных коммуникаций и производств, а на убеждение постсоветских стран в преимуществах евразийского проекта и необходимости усиления в нём политической составляющей, а также на «выдавливание» геополитических конкурентов из зоны российских «привилегированных инте-

ской Народной Республики. Пекин от 19 августа 2014 г. (中华人民共和国和乌兹别克斯坦共和国联合宣言) // «Жэньминь жибао» от 20 августа 2014 г. Совместная декларация Республики Таджикистан и Китайской Народной Республики о дальнейшем развитии и углублении отношений стратегического партнерства. Пекин, 13 сентября 2014 г. (中华人民共和国和塔吉克斯坦共和国关于进一步发展和深化战略伙伴关系的联合宣言) // «Жэньминь жибао» от 14 сентября 2014 г.; Совместное коммюнике второй регулярной встречи премьеров Казахстана и Китая. Астана, 14 декабря 2014 г. (中哈总理第二次定期会晤联合公报) // «Жэньминь жибао» от 15 декабря 2014 г.; Совместная декларация Республики Казахстан и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всестороннего стратегического партнерства (中华人民共和国和哈萨克斯坦共和国关于全面战略伙伴关系新阶段的联合宣言). Пекин, 31 августа 2015 г. // «Жэньминь жибао» от 1 сентября 2015 г.

ресов». А это не может не вызывать негативной реакции как у политического руководства стран региона, рассматривающего ЕАЭС исключительно как экономический проект, так и у населения, ожидающего от проекта улучшения своего благосостояния. Китай же идёт вовне с инвестициями, модернизированной транспортной инфраструктурой и при этом до настоящего времени пока не ставил никаких политических условий для местных властей.

ЭПШП обеспечен серьезными финансовыми ресурсами. Создание Фонда Шёлкового пути и АБИИ не оставляет в этом сомнений. Более того, эти институты уже начали финансирование ряда проектов⁴. Уже сегодня вполне очевидно, что доля Китая во внешнеторговом обороте государств Центральной Азии существенно возросла (см. Таблицу 1) и будет расти более быстрыми темпами с началом реализации проекта ЭПШП.

Таблица 1. Торговые операции КНР со странами Центральной Азии (2010-2015 годы, по китайским данным)
(млн долл.)

Годы	Со всеми странами	Казахстан		Киргизия		Узбекистан		Таджикистан		Туркмения	
		экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт
2010	30.093,3	9.320,9	11.088,7	4.127,8	71,9	1.181,1	1.300,5	1.376,6	56,02	525,3	1.044,5
2011	39.643,0	9.566,1	15.386,3	4.878,3	98,1	1.359,3	807,0	1.996,8	72,01	785,9	4.693,2
2012	45.943,4	11.001,7	14.675,1	5.073,5	88,96	1.783,1	1.091,6	1.747,9	108,8	1.699,3	8.673,4
2013	50.275,7	12.545,9	16.048,5	5.075,4	62,27	2.613,2	1.937,7	1.869,3	88,75	1.141,6	8.893,3
2014	45.020,0		22.450,0		5.300,0		4.280,0		2.520,0		10.470,0
2015	32.603,0	5.840,0	8.427,0	4.285	57,0	2.236,0	1.266,0	1.797,0	50,0	817,0	7.828,0

Источник: Данные Китайской таможни // <http://ozs.mofcom.gov.cn/> (Дата обращения: 17.11.2016)

Обращает на себя внимание и тенденция стремительного роста китайских инвестиций, а точнее – предоставленных кредитов, в экономику государств Центральной Азии, наметившаяся в ходе турне Си Цзиньпина по странам

региона в сентябре 2013 года (см. Таблицу 2). Эта тенденция стала особенно очевидной в 2014–2016 годах, когда абстрактные разговоры об участии стран региона в проекте ЭПШП наконец перешли в практическую плоскость.

⁴ В ходе визита в КНР Н. Назарбаева в сентябре 2015 года между АО «НУХ «Байтерек» и CITIC Group было подписано соглашение по совместному участию в Kazakhstan Infrastructure Fund. Кроме того, АО «Национальное агентство по экспорту и инвестициям «Kaznpx Invest» и «Фонд Шёлковый путь» подписали меморандум о взаимопонимании и взаимодействии по созданию специального инвестиционного фонда для проектов индустриально-инновационного сотрудничества.

На цели индустриального развития Казахстана Банк Китая через АО «НУХ «Байтерек» готов выделить 5 млрд долларов. Кроме того, Казах-

стан заключил партнёрское соглашение с «Фондом Шёлкового пути» в сфере индустриального и инновационного развития, информационных технологий и других секторах, являющихся приоритетными для Казахстана. Фонд готов рассмотреть возможность заключения договора о финансировании индустриальных проектов Казахстана на общую сумму 2-3 млрд долларов. Во время визита К. Масимова в декабре 2015 года между АО «НУХ «Байтерек» и «Фондом Шёлкового пути» был подписан меморандум о сотрудничестве, предусматривающий привлечение китайских инвестиций в приоритетные индустриальные проекты Казахстана на сумму до 2 млрд долларов.

Таблица 2. Суммарные инвестиции, обещанные во время визита Си Цзиньпина

Страны	Инвестиции, млрд долл.	Отрасли сотрудничества
Казахстан	30	Энергетика, транспорт, строительство, сельское хозяйство
Кыргызстан	3	Электроэнергетика, транспорт, инфраструктура, сельское хозяйство
Туркменистан	10*	Энергетика, разведка и добыча газа, транспорт, инфраструктура
Узбекистан	15	Энергетика, разведка и добыча газа, создание совместных предприятий в сфере высоких технологий, транспорт, сельское хозяйство
Всего	58	

Примечание: * – оценка автора.

Источник: [Сыроежкин К.Л., 2013: 5].

Китай готов на компромисс не только с Россией, но и с другими государствами, через территории которых пройдёт ЭПШП. Об этом свидетельствуют не только уже достигнутые договорённости, но и сама политика китайского руководства. С точки зрения хозяйственного роста развитие регионального экономического сотрудничества является первейшим лейтмотивом политики Китая по отношению ко всем странам, и в первую очередь соседним. Китай имеет общую границу с тремя странами Центральной Азии, что даёт ему неоспоримые преимущества в развитии совместных транспортно-логистических проектов. Причём весьма существенно, что в реализации этих проектов заинтересованы и сами страны, через которые будет проходить ЭПШП. Это сулит не только повышение доходов от транзитных сборов и финансовых вливаний в экономики стран региона, но и способствует повышению транспортной связности между ними. При этом увеличивающееся число транспортно-инфраструктурных объектов, в которых Китай является основным акционером, а также растущие объёмы кредитной зависимости

центральноазиатских государств от Китая делают их выбор в пользу Пекина практически безальтернативным.

Важным фактором поддержки ЭПШП в государствах Центральной Азии является их экономическая политика. Политические интересы стран региона разнятся. В ещё меньшей степени можно говорить об общих экономических интересах. С одной стороны, в силу приблизительно общей структуры хозяйства в странах Центральной Азии и отсутствия технологической специализации они являются не партнёрами, а конкурентами. С другой – государства Центральной Азии находятся на разных уровнях социально-экономического и политического развития, а отсюда – разная степень интереса к интеграционным инициативам.

Существенное значение имеет и то, что в современных условиях полноценно работают только большие рынки, насчитывающие 200–250 млн потенциальных потребителей. А для того, чтобы заниматься серьёзным производством, особенно инновационным, необходимы не только крупные рынки сбыта, но и сколь-нибудь значимый человеческий и научно-технический

потенциал. Однако даже объединённое экономическое пространство всей Центральной Азии насчитывает чуть более 60 млн человек, а созданный в советское время научно-технический потенциал, возможно, за исключением Узбекистана, безнадежно утрачен.

Именно в силу указанных причин Китаю как инициатору нового «интеграционного» проекта необходимо приложить умелые посреднические усилия. Удастся ли ему это сделать, большой вопрос. Во всяком случае, ни США, ни России это пока не удастся, о чём свидетельствуют практически полный провал идеи «Нового Шёлкового пути» и очень сложное продвижение концепции «Евразийской интеграции».

При этом важно иметь в виду, что ЭПШП не является интеграционным проектом в чистом виде. Его главная цель – создание благоприятных условий для продвижения китайских товаров на рынки Центральной Азии, России, Европы, стран Ближнего и Среднего Востока.

По мнению центральноазиатских экспертов, ЭПШП можно рассматривать и как важнейшую составную часть новой геополитической концепции Китая, ориентированной на сопредельные страны, прежде всего Центральную Азию. Заявляемая цель – укрепление регионального экономического взаимодействия в Евразии и создание «новой модели международного сотрудничества и общемирового менеджмента»⁵. Естественно, что под эгидой Китая, хотя официальной пропагандой это

и отрицается. О серьёзной геополитической составляющей проекта говорит объединение всех китайских инициатив в одну концепцию «Один пояс, Один путь», а также включение последней в пропагандистский арсенал МИД КНР с акцентом на новую политику в отношении сопредельных государств [Уянаев С., 2015: 11-12].

Серьёзная проблема, на которую ни политическое руководство, ни экспертное сообщество государств Центральной Азии почти не обращают внимания, связана с тем, что в основе идеи ЭПШП лежит отнюдь не альтруистическое желание Китая поспособствовать инфраструктурному и индустриальному развитию государств региона. Сегодня руководством КНР ставится задача превращения Китая из «мировой мастерской» в «инновационную державу» и поставщика услуг на мировые рынки, потеснив на этом поприще США и страны Европы. Реализация ЭПШП и МШП, призванная сократить разрыв в развитии отдельных регионов Китая и существенно повысить их производственный потенциал, превратив Китай в один из мировых информационно-промышленных и инновационных центров, должна способствовать решению этой задачи. Другими словами, в основе концепции лежит не забота о развитии промышленного потенциала стран, через которые будет проходить ЭПШП, а прежде всего интенсивное развитие западных регионов Китая.

Хотя в последнее время много говорится о необходимости расширения сотрудничества в реальном секторе экономики и даже о строительстве совместно с Китаем промышленных предприятий на территории государств, через которые будет проходить ЭПШП, необхо-

⁵ См.: Видение перспектив и действия по продвижению совместного строительства экономического пояса на Шёлковом пути и Морского Шёлкового пути XXI века (推动共建丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路的愿景与行动) // Агентство «Синьхуа», 28 марта 2015 г. // <http://news.xinhuanet.com/> (Дата обращения: 17.11.2017).

димо признать, что Китай никогда не рассматривал государства региона как потенциальную часть своей экономики. Центральная Азия оставалась для него рынком сбыта китайских товаров, источником поступления природных ресурсов, а также транзитной территорией. Китайские инвестиции в регион направлялись преимущественно в инфраструктуру и не подразумевали развитие реального сектора.

Проблема заключается не в дилемме – вкладываться ли Китаю в реиндустриализацию региона и тем самым получить конкурента китайскому экспорту промышленных товаров. Более серьёзная опасность состоит в том, что вслед за китайскими инвестициями приходят китайские рабочие руки, что вовсе не играет на пользу региону с избытком собственной рабочей силы, каковым является Центральная Азия.

По-прежнему неясным остаётся конкретное наполнение ЭПШП. Для государств Центральной Азии и России это – один из основных вызовов от проекта. Пока остаётся не очень понятным, что же этот проект предполагает, кроме создания транспортно-логистической, торговой и финансовой инфраструктуры. Правда, винить в этом только Китай было бы не совсем корректно. Проблема в том, что пока не все страны региона разработали свои национальные программы, а главное – национальные планы по сопряжению своих экономик с ЭПШП.

В тех государствах, где эти программы существуют, сотрудничество с Китаем в рамках реализации ЭПШП идёт успешно, хотя и затруднительно определить, какие из проектов реализуются в рамках ЭПШП, а какие – в рамках двусторонних отношений. Там, где национальные программы от-

сутствуют, сотрудничество с Китаем пока осуществляется исключительно в рамках двусторонних отношений. И хотя об активном участии в практической реализации ЭПШП в этих странах говорится много, в практическом плане предъявить им пока нечего.

Case studies: сопряжение национальных стратегий развития и ЭПШП

При исследовании вопросов отношений стран Средней Азии со своим восточным соседом необходимо учитывать, что подход к государствам региона у Китая индивидуален. Он учитывает интересы Китая по отношению к каждому из государств Средней Азии, а также их значимость в практической реализации проекта ЭПШП. Что, собственно говоря, и отражают последние документы, подписанные между Китаем и странами региона.

Дальше всех государств Центральной Азии в сопряжении своей национальной программы «Нурлы жол» и ЭПШП продвинулся Казахстан. Причина вполне объяснима – во-первых, ЭПШП и программа «Нурлы жол» почти идеально совпадают⁶. Во всяком случае, в тех аспектах, которые касаются транзита через территорию Казахстана грузов из Китая, а также развития транспортной и логистической инфраструктуры на территории Казахстана. Во-вторых, Китай предоставляет щедрые кредиты и готов финансировать

⁶ Заявленной целью программы «Нурлы жол» является формирование единого экономического рынка путем интеграции макрорегионов страны на основе выстраивания эффективной инфраструктуры на хабовом принципе для обеспечения долгосрочного экономического роста Казахстана, а также реализация антикризисных мер по поддержке отдельных секторов экономики в условиях ухудшения конъюнктуры на внешних рынках.

не только проекты в рамках ЭПШП, но и проекты, которые намечено реализовать в рамках программы «Нурлы жол»⁷.

В настоящее время активно реализуются проекты, связанные с созданием инфраструктуры, однако практически ничего не делается для создания логистических центров на территории Казахстана, а главное – в плане упрощения таможенных и визовых процедур, что не требует больших финансовых затрат, но формирует условия для снижения стоимости экспортно-импортных операций и увеличения объёмов двусторонней торговли.

Сложно сказать, насколько эти планы Китая согласуются с планами реиндустриализации Казахстана в формате ЕАЭС. Кроме того, не до конца ясно, насколько Казахстан готов к реализации этой программы с точки зрения её кадрового и технологического обеспечения. Необходимых и профессионально подготовленных для подобного производства трудовых ресурсов в Казахстане нет, как недостаточно знаний и технологий.

Тем не менее всё сказанное выше свидетельствует, что направления сопряжения ЭПШП и «Нурлы жол» не только найдены, но обрели реальные очертания в виде конкретных проектов, а главное – они уже обеспечены финансово. Настоящий прорыв произошёл в 2014–2015 годах, когда объёмы гарантированных китайских инвестиций в экономику Казахстана выросли в три раза.

Что касается подходов экспертов к ЭПШП и перспективам активного

участия Казахстана в этом проекте, в своём большинстве они позитивные [Амребаев А., 2014: 30-39; Бугаенко А., 2015:64-73; Нурсеитов А.А., 2015: 91-99; Шаймергенов Т, 2015: 121-126]. Пока благожелательно настроено в отношении ЭПШП и участия Казахстана в этом проекте и общественное мнение Казахстана в целом. Проблемные вопросы открыто в СМИ не обсуждаются. Как правило, такое обсуждение имеет место лишь на научных конференциях, информация о которых широкого распространения не имеет и практически не оказывает никакого влияния на общественное мнение.

В Кыргызстане главными направлениями сотрудничества с Китаем являются водно-энергетические проекты, строительство ЛЭП и проекты по добыче минеральных ресурсов, таких как золото, уран, редкоземельные металлы. Кроме того, Кыргызстан является перевалочной базой китайской торговли в Центральной Азии, и именно по этой причине большую активность Китай проявляет в создании на его территории современной транспортной и логистической инфраструктуры.

В январе 2016 года после визита в Китай тогдашнего премьер-министра Темира Сариева были определены три главных направления двустороннего сотрудничества между Кыргызстаном и КНР: проекты строительства железнодорожной магистрали Китай – Кыргызстан – Узбекистан (ККУЖД), кольцевой автодороги вокруг озера Иссык-Куль и перенос избыточных производственных мощностей из КНР в Кыргызстан⁸. Пока все три проекта

⁷ Например, достигнуты договорённости о том, что Китай безвозмездно построит участок Большой алматинской кольцевой автодороги (100 км), дорогу из Алматы в Усть-Каменогорск, от Усть-Каменогорска до БАКАД, границы с Китаем, дороги до озера Алаколь и Алашаньюку. Для строительства этих дорог планируется привлечение китайских специалистов.

⁸ См.: Озерски П., Омуркулова-Озерска Э. Китайско-кыргызское сотрудничество: Прекрасные перспективы, а будут ли практические действия? // <http://www.nisi.kg/ru-analytics-1764> (Дата обращения: 17.11.2016).

находятся в стадии обсуждения, причём проект строительства ККУЖД обсуждается уже 15 лет, и по всем им экспертами высказываются полярные точки зрения⁹. Особенно много вполне закономерных вопросов вызывает проект переноса на территорию Кыргызстана избыточных китайских производственных мощностей¹⁰.

По сути, аналогичную с Кыргызстаном роль призван играть для Китая и Таджикистан. Большая часть китайских инвестиций в его экономику направлены на строительство ГЭС, ЛЭП и в транспортно-логистические проекты, а также в горнодобывающий сектор. Таджикистан, по данным С. Олимовой, в 2014 году получил кредит на 2 млрд долл., а по программе развития на 2015–2018 годы – ещё 6 млрд долларов¹¹. Пока, правда, Таджикистан не может «похвастаться» статусом перевалочной базы для китайских товаров, однако в результате вступления в ВТО

и особенно с началом реализации концепции ЭПШП ситуация может резко измениться.

Туркменистан интересен Китаю исключительно как база для поставок газа в Китай. Причём по ценам, выгодным для Китая. Именно на базе сотрудничества в газовой сфере строятся отношения между Туркменистаном и Китаем, и именно в разведку, добычу и транспортировку газа идут основные китайские инвестиции. Туда же, судя по возросшим объёмам экспортных поставок из Китая, поступают китайская техника и оборудование. Почти исключительно в этом же контексте оцениваются туркменскими экспертами и перспективы участия Туркменистана в реализации проекта ЭПШП¹².

В Узбекистане главным образом развивается сотрудничество с Китаем в транспортировке газа и создании СП с высокой долей интеллектуальной собственности. Этот подход обозначился задолго до появления идеи ЭПШП и был подтверждён во время визита Си Цзиньпина в Узбекистан в сентябре 2013 года и в июне 2016 года¹³. В сентябре 2013 года был подписан 31 документ по реализации проектов на общую сумму 15 млрд долларов. Причём

⁹ См.: «Русский штык и китайский юань»: Бишкек на перепутье. Интервью Кубата Рахимова. // Интернет-портал Regnum, 21 июля 2016 г. <https://regnum.ru/> (Дата обращения: 17.11.2016)

¹⁰ См.: Абдулло Г. Таджикистан и «Экономический пояс Великого Шёлкового пути». // Интернет-портал Sabar, 14 сентября 2015 г. // [http://camonitor.kz/17805-tadzhikistan-i-ekonomicheskii-poyas-velikogo-shelkovogo-puti-rashidgani-abdullo.html](http://camonitor.kz/17805-tadzhikistan-i-ekonomicheskii-poyas-velikogo-shelkovogo-puti) (Дата обращения: 17.11.2016); Авдеева Е. Кыргызстану грозит новая колонизация // «Белый парус», 6 июня 2016 г. // <http://www.parusk.info/> (Дата обращения: 17.11.2016); Китай обещает восстановить деятельность 40 простаивающих предприятий Кыргызстана. Интервью заместителя министра экономики Алмаза Сазбакова // Интернет-портал Gezitter.org, 24 мая 2016 г. // <http://www.gezitter.org/> (Дата обращения: 17.11.2016); Михайлов Г. Китайские предприятия переедут в Киргизию // «Независимая газета» от 26 мая, 2016 г.; Молдахметов Б. Станет ли Кыргызстан отстойной промзоной Китая? – // «Время Востока», 23 июня 2016 г. // <http://easttime.ru/analytics/kyrgyzstan/stanet-li-kyrgyzstan-otstoinoi-promzonoj-kitaya/11563> (Дата обращения: 17.11.2016).

¹¹ См.: Olimova S. Politics or profits along the “Silk Road”. What drives and thrives Chinese farms in Tajikistan? // Eurasian Geography and Economics (рукопись).

¹² См.: Роль энергетической стратегии Туркменистана в продвижении китайской концепции «Экономического коридора шёлкового пути» // Интернет-портал Касфактор, 7 июня 2016 г. // <http://www.casfactor.com/ru/eninf/338.html> (Дата обращения: 17.11.2016); «Экономический шёлковый путь»: Совместимость видений Туркменистана и Китая // Интернет-портал News-Asia, 29 апреля 2016 г. // <http://www.news-asia.ru/review/ru/6437> (Дата обращения: 17.11.2016).

¹³ См.: Сплоченно создавать новое великолепие Шёлкового пути. Выступление Си Цзиньпина в Олий Мажлис Республики Узбекистан. Ташкент, 22 июня 2016 г. (携手共创丝绸之路新辉煌) // «Жэньминь жибао» от 23 июня 2016 г.; Совместная декларация Китайской Народной Республики и Республики Узбекистан. Ташкент, 22 июня 2016 г. (中华人民共和国和乌兹别克斯坦共和国联合声明) // «Жэньминь жибао» от 23 июня 2016 г.

значительная их часть касалась создания новых производств на территории Узбекистана. Так, между Фондом реконструкции и развития Узбекистана и Государственным банком развития Китая было подписано «Соглашение по совместному финансированию приоритетных инвестиционных проектов» на общую сумму 11,6 млрд долларов. 14 заключённых договоров были связаны с созданием совместных высокотехнологических производств с привлечением инвестиций из КНР.

По итогам государственного визита президента Узбекистана в Пекин, проходившего 19–20 августа 2014 года, Ислам Каримов и председатель КНР Си Цзиньпин подписали совместную декларацию и программу развития отношений стратегического партнёрства двух стран на 2014–2018 годы, а также заключили торговые и инвестиционные соглашения на общую сумму более 6 млрд долларов¹⁴. Эти данные подтвердил и Ислам Каримов в ходе визита Си Цзиньпина в июне 2016 года. Как им было заявлено, в ходе визита были подписаны документы о выделении Узбекистану со стороны Китая 2,7 млрд долл. в качестве кредита, а в общей сложности предусматривается строительство объектов на 6,2 млрд долларов.

Хотя, согласно официальной информации узбекской стороны, объём капиталовложений Китая в экономику страны составляет 35,6% от общего объёма привлечённых зарубежных инвестиций, благодаря чему Китай является крупнейшим инвестором Узбекистана, говорить о кредитной зависимости Узбекистана от Китая вряд ли было бы справедливым. В инфраструктурные объекты, в том числе и реализуемые со-

вместно с Китаем, Узбекистан предпочитает вкладывать собственные деньги.

Главный проект в рамках ЭПШП – строительство железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан. Однако этот проект появился задолго до 2013 года, когда впервые была озвучена идея ЭПШП. Аналогичный вывод можно сделать и в отношении проекта строительства 4-й нитки газопровода Средняя Азия – Китай.

Скорее всего, именно этим объясняется взвешенный подход узбекских экспертов к ЭПШП и его перспективам, а также их вывод, что «для Узбекистана ЭПШП представляет интерес не столько как возможность привлечения инвестиций в те или иные конкретные проекты, сколько возможность обеспечить большую связанность транспортной системы страны с существующими и планируемыми транспортными коридорами в регионе Центральной Азии»¹⁵.

Безусловно, Китаю как ведущей торговой державе мира выгодно развитие транспортно-логистической инфраструктуры в сопредельных государствах. Отвечает это и интересам государств региона. Как следствие отсутствуют какие-либо противоречия в плане их участия в практической реализации ЭПШП, а главное – даже на экспертном уровне практически не происходит обсуждения угроз и вызовов, связанных с этим участием. Единственное, что вызывает возражение, – перспектива передачи китайским компаниям земель сельскохозяйственного назначения. Однако, скорее всего, и этот вопрос решится в пользу Китая.

¹⁵ См.: Эргашев Б. Экономический пояс Шёлкового пути и Узбекистан. //Блог автора, 6 августа 2015 г. // <http://blog.review.uz/new/ekonomicheskij-royas-shelkovogo-puti-i-uzbekistan/> (Дата обращения: 17.11.2016).

¹⁴ Юлдашева Н. Закрепление внешнего выбора // «Деловая неделя». №32 от 22 августа 2014 г.

При этом развитие транспортно-логистической инфраструктуры государств Центральной Азии Китай рассматривает как один из элементов реализации стратегии опережающего развития Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. А главная цель – привязать к себе государства региона товарами, кредитами и технологиями и втянуть их в зону свободной торговли с Китаем, тем самым сделав для них безальтернативным выбор в пользу Китая.

Приход нового руководства в КПК и КНР в конце 2012 – начале 2013 годов, растущая мощь Китая и его внешнеполитических амбиций, а также изменение международной обстановки и тенденций развития социально-экономической и политической ситуации в стране потребовали не только разработки новой стратегии развития, но и расстановки новых акцентов во внешней политике.

В то же время, в отличие от ЕАЭС и политики России в регионе, ЭПШП и политика Китая в Центральной Азии начинают позитивно оцениваться Западом. Более того, по мнению заместителя госсекретаря США Э. Блинкена, политика Китая в Центральной Азии «полностью стыкуется» (fully complementary) с американской политикой в регионе [Денисов И., 2015: 51-60]. Естественно, этот подход Запада не может не учитываться руководством стран региона, а с учётом объёмов предоставляемых Китаем инвестиций и условий, на которых они предоставляются, делает выбор стран региона в пользу ЭПШП практически безальтернативным.

Как видно, «сжигать мосты» и разрушать ЕАЭС никто не планирует. Напротив, имеет место желание най-

ти точки сопряжения ЕАЭС, ЭПШП и национальных программ. Возможно ли это сделать на практике, сказать сложно, но то, что, несмотря на концептуальное различие между ЕАЭС и ЭПШП, они обладают достаточным потенциалом для сопряжения, бесспорно. Важно отметить, что в странах Центральной Азии вопрос сопряжения ЕАЭС и ЭПШП фактически отдан на откуп России и в практическом плане даже не обсуждается. Именно поэтому чрезвычайно актуальной задачей для России является ускоренный поиск реальных точек и направлений сопряжения ЭПШП и ЕАЭС, а также отработка соответствующих механизмов их сопряжения. Если это не будет сделано в ближайшее время, то государства Центральной Азии окажутся в ситуации непростого выбора между Россией и Китаем, а сами российско-китайские отношения рискуют серьёзно обостриться.

В то же время нельзя не обратить внимания и на тот факт, что процесс практической реализации ЭПШП в Центральной Азии связан с рядом объективных сложностей. Явно недооцениваются возможные военно-стратегические издержки данной программы, на которых, по понятным причинам, китайские эксперты предпочитают не заострять внимание. Стоит также иметь в виду, что политическая поддержка проекта в разных странах Центральной Азии неодинакова.

Несмотря на интерес Казахстана к сопряжению ЭПШП и ЕАЭС, одной из особенностей его участия в практической реализации ЭПШП является то, что происходит оно не в треугольнике ЕАЭС – ЭПШП – национальные программы, а с ЕАЭС и ЭПШП в отдельности. Причём, судя по последним до-

кументам, подписанным с китайской стороной, руководством Казахстана вопрос о сопряжении всех трёх концепций даже не ставится¹⁶. Главный акцент во всех этих документах сделан на сопряжении ЭПШП и «Нурлы жол».

В Кыргызстане идея ЭПШП воспринимается неоднозначно. Если на официальном уровне она полностью принимается и поддерживается, то на экспертном уровне высказываются полярные точки зрения – от полного отрицания значимости данного проекта до его безоговорочной поддержки. Авторы данных позиций в своём большинстве не особенно утруждают себя сколь-нибудь серьёзной аргументацией. Одни делают упор на геополитической составляющей китайской инициативы и на тех угрозах, с которыми в ходе её реализации может столкнуться Киргизия. Вторые – на том, что «Кыргызстан может использовать проект Шёлкового пути для развития собственной транспортной сети и наращивания торгово-экономического потенциала»¹⁷. Как и в Казахстане, существенное место в дискуссии зани-

мает и вопрос о перспективах сопряжения ЭПШП и ЕАЭС¹⁸.

Отношение официальных кругов Таджикистана к Китаю и плану ЭПШП – весьма позитивное. Так, бывший посол Таджикистана в Китае, а ныне – генеральный секретарь ШОС, рассуждая о привлекательности политики Китая в Средней Азии, подспудно противопоставлял её подходу других держав: «За два истекших десятилетия Китай своими практическими делами на двустороннем, региональном и международном уровнях подтвердил, что в основе его отношений со странами Центральной Азии лежит добрососедство, равноправное сотрудничество, невмешательство во внутренние дела, а также отсутствие претензий на разграничение сфер влияния с другими мировыми державами» [Алимов Р.К., 2013: 79-80]. В последнее время отношение экспертного сообщества Таджикистана к расширению сотрудничества с Китаем серьёзно изменилось. Наряду с официальными позитивными оценками появились и алармистские настроения¹⁹.

Для Туркменистана Китай является важным политическим и экономическим партнёром. Политическое значение Туркменистана для КНР нельзя назвать высоким, однако Китай проявляет

¹⁶ См.: Совместная декларация между КНР и РК (中华人民共和国和哈萨克斯坦共和国联合宣言) // «Жэньминь жибао» от 20 мая 2014 г.; 中哈总理第二次定期会晤联合公报 Коммюнике 2-й регулярной встречи премьер-министров Китая и Казахстана (中哈总理第二次定期会晤联合公报) // «Жэньминь жибао» от 15 декабря 2014 г.; Совместная декларация между КНР и РК об отношениях всестороннего стратегического партнерства на новом этапе (中华人民共和国和哈萨克斯坦共和国关于全面战略合作伙伴关系新阶段的联合宣言) // «Жэньминь жибао» от 01 сентября 2015 г.; Совместное коммюнике между правительствами КНР и РК (中华人民共和国政府和哈萨克斯坦共和国政府联合公报) // «Жэньминь жибао» от 15 декабря 2015 г.

¹⁷ См.: Самаков Ы. Кыргызстан: экспансия поднебесной продолжается. // Интернет-портал ЦентрАзия, 20 июня 2016 г. // <http://www.centrasia.ru/> (Дата обращения: 17.11.2016); Шестаков И. Проект Великого Шёлкового пути в СМИ Кыргызстана: реалии и перспективы // <http://www.nisi.kg/ru-analytics-1797> (Дата обращения: 17.11.2016).

¹⁸ См.: Бактыгулов Ш. Китай и Кыргызстан: основные вызовы и тенденции сотрудничества // Интернет-портал Cabar, 29 марта 2016 г. // <http://cabar.asia/ru/sheradil-baktygulov-kitaj-i-kyrgyzstan-osnovnye-vyzovy-i-tendentsii-sotrudnichestva/> (Дата обращения: 17.11.2016).

¹⁹ См.: Бараев А. Тихая экспансия. Китаизация Таджикистана. // Интернет-портал ЦентрАзия, 21 июля 2016 г. // <http://www.centrasia.ru/> (Дата обращения: 17.11.2016); Фатох Н. Таджикистан – Китай. Экономическое сотрудничество или экономическое подневолье? // Интернет-портал ЦентрАзия, 15 февраля 2016 г. // <http://www.centrasia.ru/> (Дата обращения: 17.11.2016); Шарифуллоев З. Великая Китаизация Таджикистана продолжается. // Интернет-портал ЦентрАзия, 10 июня 2016 г. // <http://www.centrasia.ru/> (Дата обращения: 17.11.2016).

интерес в области энергетического сотрудничества. Взаимодействие в рамках ЭПШП в целом отражает общие тенденции двусторонних отношений.

Что касается Узбекистана, то в июне 2015 года между Пекином и Ташкентом был подписан «Протокол о расширении взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества в рамках реализации инициативы строительства “Экономического пояса Шёлкового пути”». Протокол предусматривает, что Китай и Узбекистан в рамках совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» будут всецело применять действующий механизм двустороннего торгово-экономического сотрудничества, а также углублять и расширять взаимовыгодное сотрудничество в торговой, инвестиционной, финансовой, транспортной и других сферах. При этом главный упор будет делаться на увеличении торговли основными товарами, осуществлении проектов инфраструктурного строительства, реконструкции промышленных объектов и создании промышленных парков²⁰. Хотя пока говорить о каких-то конкретных проектах не приходится.

ЭПШП и вопросы региональной безопасности

Важная проблема, с которой неизбежно столкнётся Китай при практической реализации проекта ЭПШП в Центральной Азии, – необходимость его более активного участия в обеспечении региональной безопасности. Для Китая, который всегда предпочитал не вмешиваться во внутренние дела и не участво-

вать в военных блоках, это, пожалуй, самый сложный вопрос. Четкого ответа на этот вопрос пока нет, тем не менее ситуация с региональной безопасностью в целом и национальной безопасностью в каждом из государств региона продолжает оставаться напряжённой.

Скорее всего, вопросы обеспечения региональной безопасности – это та область, где сотрудничество между Китаем и Россией не только желательно, но и необходимо. С точки зрения некоторых центральноазиатских экспертов, по ряду позиций ЭПШП выступает в качестве конкурента идеи евразийской интеграции. Потому основной вопрос как для Китая, так и для стран Центральной Азии заключается в том, как реализовать этот проект, не вступая в противоречия с Россией и не разрушая ни российско-китайских отношений, ни отношений России с государствами региона.

Это означает, что Китаю нужно будет договариваться о разделе сфер влияния и интересов, причём со всеми заинтересованными игроками, но прежде всего – с Россией. При таком подходе считается, что если России и Китаю удастся договориться и разделить сферы ответственности, то вполне вероятно, что соединение потенциалов ЕАЭС и ШОС будет реализовано на практике.

Судя по итогам визита Си Цзиньпина в мае 2015 года в Казахстан, Россию и Белоруссию, а также по подписанным с Россией документам²¹, такая догово-

²⁰ См.: Узбекистан и Китай подписали документ по развитию «экономического пояса Шёлкового пути». //Агентство новостей «Podrobno.uz», 1 8 июня 2015 г. // <http://podrobno.uz/cat/politic/kitaya-uzbekistan-ekonom-poyas-shelk-put/>.

²¹ См.: Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества. 8 мая 2015 года; Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути. 8 мая 2015 года. //Официальный сайт президента Российской Федерации, 8 мая 2015 года. <http://www.kremlin.ru/>.

рённость достигнута. Это открывает новые перспективы для успешной реализации ЭПШП, поскольку реальные сферы взаимодействия между ЕАЭС и ЭПШП действительно имеют место.

Тем не менее для России это будет означать сложную ситуацию. Как уже отмечалось, на сегодняшний день китайский проект обладает значимыми конкурентными преимуществами, и вполне предсказуемо, что новые политические элиты государств Центральной Азии в перспективе могут сделать выбор в пользу Китая, поэтому в вопросе сопряжения речь должна идти о допустимых пределах взаимных уступок, учитывающих как стратегические интересы России и Китая, так и национальные интересы государств-участников ЕАЭС, через территории которых предполагается провести ЭПШП.

Итак, обозначенные ранее вызовы дополняются общей неспокойной ситуацией в отдельных странах региона. Стоит учитывать, что для каждого из государств региона список угроз и вызовов специфичен, а согласовать их не удаётся до настоящего времени ни в формате ШОС, ни в формате ОДКБ. Казахстан во многих отношениях является самой успешной страной Центральной Азии. Тем не менее недавние теракты в разных частях страны показывают, что и здесь не всё проходит гладко: в Казахстане явно обостряются экстремистские настроения, что повышает необходимость принятия мер для борьбы с терроризмом и радикальными исламскими течениями в стране.

Для Кыргызстана, который рассматривается как транзитная страна, среди основных угроз безопасности всегда отдельное внимание уделялось контролю наркотрафика. В последнее время, особенно после событий в Бишкеке,

актуальность приобрела и проблема терроризма. Проблема наркотрафика особенно остро стоит и в Таджикистане, в этом смысле важно развивать сотрудничество с Афганистаном по совместному решению этой проблемы, в том числе – в рамках ШОС. Афганский фактор является ключевым и для безопасности Туркменистана, поскольку не раз отмечалась роль туркменских талибов в дестабилизации обстановки в регионе. Узбекистан считается одной из самых успешных и стабильных стран Центральной Азии, которой удаётся соблюдать баланс интересов в регионе. Тем не менее, помимо основных региональных угроз безопасности, на данный момент для Узбекистана ключевое значение имеет способность сохранить внутривнутриполитическую стабильность и обеспечить плавный переход власти после смерти И.А. Каримова.

В настоящее время в Центральной Азии наблюдается рост числа угроз безопасности, что, безусловно, будет влиять на реализацию ЭПШП. С учётом значения, которое придаётся проектам на евразийском пространстве, совместное реагирование России и Китая на региональные угрозы и вызовы становится необходимостью. В связи с этим актуальной является задача выработки общих подходов к проблемам региональной безопасности и отработка механизмов адекватного реагирования на совокупность реальных и потенциальных угроз и вызовов. Причём не только на уровне ОДКБ, но и на уровне ШОС с участием Китая.

В настоящее время в вопросе отношений с Китаем не только в государствах Центральной Азии, но и в Рос-

сии существует некая эйфория. К сожалению, приходится признать, что к советам специалистов-китаеведов ни там, ни там не прислушиваются. Тем не менее, вполне очевидно, что для стран региона выгодна та стратегия, которая предусматривает, с одной стороны, использование растущего экономического интереса Китая к региону, а с другой – создание условий, обеспечивающих в перспективе расширение присутствия Китая. Наиболее перспективный путь – эффективное использование географических преимуществ Китая и формирующегося единого экономического пространства в Евразии. Продвигаемая Китаем инициатива ЭПШП при разумном учёте всех плюсов и минусов на данном направлении может сыграть свою позитивную роль.

При этом необходимо четко придерживаться национальных интересов, поскольку речь идёт, с одной стороны, о проекте, включающем в себя государства, обладающие несопоставимыми экономическим весом и финансовыми возможностями. А с другой – о проекте, который можно рассматривать как геополитическую концепцию китайского руководства «пятого поколения», предусматривающую движение Китая в западном направлении и дальнейшее усиление его позиций на евразийском пространстве. В этом контексте необходимо обратить внимание на ещё один вызов – почти полное отсутствие в Центральной Азии системных исследований, а главное – государственного заказа на подобные исследования, по проблемам не только происходящих в Китае процессов, но и специфики двусторонних отношений Китая с государствами Центральной Азии и Россией, что в перспективе может негативно

отразиться на реализации инициативы. Таким образом, ближайшим соседям и стратегическим партнёрам Китая необходимо внимательно следить за развитием ЭПШП, планировать участие в нём, соотнося его с национальными интересами, а также комплексно и постоянно изучая экономические и политические процессы в современном Китае.

Библиография

Алимов Р.К. К вопросу о формировании «Экономического коридора шелкового пути»: состояние, проблемы и перспективы. // МИР. 2013. №16.

Амребаев А. Экономический пояс Великого Шелкового пути: от идеи к реальности // Казахстан в глобальных процессах. 2014. №3.

Бугаенко А. Экономический пояс Шелкового пути: цели и перспективы // Казахстан в глобальных процессах. 2015. № 1.

Нурсеитов А.А. Экономический пояс Шелкового пути: возможности и перспективы //ЭФИ. 2015. №1.

Шаймергенов Т. Экономический пояс шелкового пути: большой проект, большие вопросы. – //Индекс безопасности. 2015. Т. 21. №3.

Денисов И. Шёлковая безопасность: новая китайская концепция развития и правила игры в Евразии //Индекс безопасности. 2015. Т.21. №3

Иманалиев М. Сборник статей о Центральной Азии. Бишкек: Next Print, 2008.

Малашенко А. Обреченные на вечность и прозябание //Pro et Contra. 2011. Том 15.

Сыроежкин К.Л. Итоги центрально-азиатского турне Си Цзиньпина //Большой

шая Игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии. 2013. №5.

Уянаев С. Китайский проект «Один пояс, Один путь»: концепция, план, сотрудничество с Россией //Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 4.

References

Alimov R.K. К вопросу о формировании «Экономического коридора шелкового пути»: состояние, проблемы и перспективы. MIR. 2013. №16.

Amrebaev A. Ekonomicheskii poyas Velikogo Shelkovogo puti: ot idei k real'nosti // Kazakhstan v global'nykh protsessakh. 2014. №3.

Bugaenko A. Ekonomicheskii poyas Shelkovogo puti: tseli i perspektivy // Kazakhstan v global'nykh protsessakh. 2015. № 1.

Nurseitov A.A. Ekonomicheskii poyas Shelkovogo puti: vozmozhnosti i perspektivy //EFI. 2015. №1.

Shaimergenov T. Ekonomicheskii poyas shelkovogo puti: bol'shoi proekt, bol'shie voprosy. – //Indeks bezopasnosti. 2015. T. 21. №3.

Denisov I. V. Shelkovaya bezopasnost': novaya kitaiskaya kontseptsiya razvitiya i pravila igry v Evrazii . //Indeks bezopasnosti. 2015. T.21. №3

Imanaliev M. Sbornik statei o Tsentral'noi Azii. Bishkek: Next Print, 2008.

Malashenko A. Obrechennye na vechnost' i prozyabanie . //Pro et Contra. 2011. Tom 15.

Syroezhkin K.L. Itogi tsentral'noa ziatskogo turne Si Tszin'pina. //Bol'shaya Igra: politika, biznes, bezopasnost' v Tsentral'noi Azii. 2013. №5.

Konstantin L. SYROEZHKIN,
Kazakhstan Institute for Strategic Studies

Silk Road Economic Belt Project in the complex space of the Central Asia Region

DOI: 10.23932/2542-0240-2016-9-6-104-122

ABSTRACT. *The article is dedicated to the perspectives of the Chinese initiative of the Silk Road economic belt from the prospective of the Central Asian states' national interests. The author claims that the common understanding of Central Asia as a united region is limited: there are many conflicts and problems between states which haven't yet been resolved. The problems of borders and ethnical enclaves remain to be potentially dangerous as well as recurrent problems of regionalism and tribalism. The essential water resources are distributed in a highly disproportionate way. During a long period of time Central Asia has been taking the position of an intercontinental corridor; linking Asia and Europe, and that is why external actors showed no interest in building a Central Asian integration project. Besides, political elites of Central Asia*

also were not interested in appearance of supranational institutes which will inevitably create a highly competitive political order. Nonetheless, the very idea of the Silk Road economic belt, in political terms, was approved by all the Central Asian states. This paradox can be partly explained referring to the absence of political limitations, imposed on states by the project. However, it doesn't mean that China experiences altruism. The author stresses that the Silk Road economic belt has never been a pure integration project. The core element of the concept is not the improvement of national industrial potential of the countries the Road crosses but the idea of the intensive development of western regions of China.

KEYWORDS: integration, economy, China, interface, Eurasia, infrastructure.